

ГЛАВА 25. Юбилей

В народе говорят: «Семьдесят три, восемьдесят четыре — если Янь-ло не позовет, сам к нему придешь». И как раз сегодня Хромому Чжану исполнилось восемьдесят четыре.

Для старика этот возраст — опасный порог, некий мистический рубеж. По старой традиции такие даты не принято отмечать с размахом: люди боятся привлечь внимание чертей и вестников загробного мира — вдруг заберут раньше срока?

Самому Чжану Лицзи было плевать. Он прекрасно знал, сколько ему отмерено, и ни капли не боялся ни грозного судьи Янь-ло, ни его приспешников.

Однако Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян придерживались иного мнения. Юбилей наставника — дело серьезное, тут нельзя допускать никакой небрежности. За три года совместной жизни они прикипели к учителю всей душой. Если с этим ворчливым, но любимым стариком что-нибудь случится, они просто не переживут потери.

— Я уже старый, ни к чему эти церемонии, — проговорил Чжан Лицзи, сидя во дворе.

Он наблюдал за учениками, которые поднялись ни свет ни заря, чтобы приготовить ему «лапшу долголетия». На словах старик выказывал полное безразличие, но в глубине души его распирало от тихой, светлой радости.

— И слышать ничего не желаю! Я хочу, чтобы вы прожили с нами еще много лет! — донесся из кухни громкий голос Цинь Юэцзина, занятого раскаткой теста.

Цзян Чэньян, сидевший тут же, во дворе, чистил лук и чеснок, помогая по хозяйству. Услышав слова брата, он лишь улыбнулся и согласно кивнул.

Чжану Лицзи было чертовски приятно. Как ни крути, а знать, что о тебе заботятся — великое благо. И как бы там ни было, этот день рождения он твердо решил провести счастливо.

На этот раз Цинь Юэцзин вложил в готовку всё свое мастерство. Лапша вышла идеальной: упругой, прочной и — самое главное — бесконечной. Одна-единственная длинная нить на всю тарелку.

Он уложил её кольцами в небольшую пиалу, залил золотистым куриным бульоном и посыпал изумрудным мелкорубленным луком. Аромат пошел такой, что слюнки потекли.

Юэцзин вынес чашу из кухни и торжественно поставил перед учителем. Тот при виде угощения радостно прищурился.

— Учитель, скорее пробуйте!

Ученики уселись напротив. Себе они накладывать не стали — решили сначала дождаться, пока поест именинник.

— Ну, приступим!

Чжан Лицзи, понимая всю важность момента, поднес чашу к лицу, подхватил лапшу палочками и начал есть. Первое же правило такой лапши — нельзя откусывать, нужно втягивать нить целиком.

В какой-то момент все трое замерли в нелепой паузе. У старика щеки раздулись так, что стали похожи на два спелых персика — лапши было не то чтобы много, но рот она заполнила под завязку.

Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян не выдержали и прыснули со смеху. Чжан Лицзи не обиделся. Он принялся неспешно и тщательно пережевывать угощение, смакуя каждый кусочек. Нельзя переводить такой шедевр — нужно прочувствовать вкус.

Проглотив последнюю порцию, он довольно выдохнул:

— Ох! Вкусно! — и показал Юэцзину большой палец.

— Хе-хе! — Юэцзин так и сиял от гордости. — Учитель, если вам нравится, я буду готовить её хоть каждый день. Я варил её на курином бульоне, так что выпивайте всё до капли — вам нужно восстанавливать силы, а то вы совсем исхудали!

— Хорошо-хорошо, выпью! — Старик оказался на редкость послушным: он поднял пиалу и осушил её одним махом.

Закончив, он, словно после чарки крепкого вина, перевернул пустую посуду кверху дном и показал ученикам — мол, смотрите, ни капли не осталось. Те довольно переглянулись.

— Учитель, давайте я вам еще добавлю, — предложил Юэцзин, поднимаясь. Им с братом тоже хотелось приобщиться к «праздничному долголетию».

— Давай.

Несмотря на почтенный возраст, аппетит у Чжана Лицзи был отменный — в еде он мог легко потягаться с молодыми.

Закончив трапезу, все трое блаженно выдохнули. В этот погожий осенний день, когда по утрам уже тянуло первой прохладой, горячая сытная лапша была лучшим началом праздника.

— Ну, какие еще планы? Я же знаю, что вы, два сорванца, что-то замышляете, — прищурился Чжан Лицзи, глядя на своих любимцев.

Цзян Чэньян взял слово:

— Я договорился с одной фотостудией. Сейчас поедem делать семейный портрет.

— Точно! Семейное фото! — Глаза Юэцзина радостно блеснули.

— Семейный портрет? — Чжан Лицзи задумчиво погладил подбородок.

— Да, за все эти годы у нас так и не появилось ни одной приличной фотографии.

— Всё только селфи на телефон, — смеясь, добавил Юэцзин, листая галерею со смешными рожицами наставника. — А нам нужно настоящее фото. Мы ведь семья.

— Что ж, ладно. Сегодня я в вашем распоряжении.

Старик улыбнулся. Его ученики определенно умели устраивать сюрпризы. Семейный портрет... Когда-то очень давно он уже позировал для такого снимка.

Чжан Лицзи поднял взгляд к небу. Воспоминания нахлынули внезапно, проступая сквозь дымку лет, словно выцветшие старые фотографии...

«Просторный четырехугольный двор-сыхэюань, выложенный серым кирпичом под черепичной крышей. Десяток людей в традиционных халатах-дагуа стоят вместе: взрослые мужчины, совсем еще юнцы...

В центре — два резных кресла из желтого палисандра. На одном восседает сухопарый мужчина средних лет с тонкими усиками. На нем строгий халат, поверх которого накинута синяя кофта-магуа. Несмотря на возраст, лицо его кажется изборожденным глубокими морщинами, а суровый, лишенный и тени улыбки взгляд внушает трепет.

Рядом с ним — полноватая женщина в алом ципао современного кроя. Её лицо светится добротой, а в уголках глаз затаились глубокие "лучики" от частых улыбок.

Вся эта толпа с любопытством и опаской взирает на диковинный западный аппарат. Фотограф, накрывшись черной тканью, что-то подправляет, держа в руке яркий магниевый осветитель.

Мужчина в кресле то и дело поправляет воротник, а стоящие позади мальчишки негромко пересмеиваются.

— А ну, все смотрим на меня! — зычно командует фотограф.

Люди замирают. Громкий хлопок, ослепительная вспышка — и мгновение навсегда застывает на фотобумаге...»

Юэцзин и Чэньян заранее предупредили Ху Чжунфа и остальных, что юбилей Чжана Лицзи пройдет в узком кругу. Только они втроем, без лишнего шума.

Толстяк Ху, будучи человеком старой закалки, прекрасно всё понял. Восемьдесят четыре года — возраст деликатный, и тревожить старика в такой день не стоит. Он пообещал не мешать и даже строго наказал своему непутому сыну сидеть дома и не высовываться.

Ученики переоделись, захватив с собой парадные халаты-дагуа, любимые складные веера и нефритовые пластины для ритма.

Цзян Чэньян вывел машину со двора. Автомобиль они купили в складчину, как только подкопили немного денег. Не престижная иномарка, конечно, но для повседневных нужд — самое то. А главное, теперь они могли всей компанией выбираться «на природу»: смотреть на горы и реки, ловить вдохновение. Разве не так делают поэты и писатели? Природа — лучший учитель, никогда не знаешь, какой сюжет она подбросит для нового номера.

Впрочем, творческие поездки были лишь предлогом. Главное — они могли проводить время вместе.

Иногда Чжан Лицзи философски замечал: за свою долгую жизнь он в одиночку исходил столько земель и повидал столько чудес, что мир начал казаться ему пресным. Но теперь, рядом с двумя учениками, даже самые привычные пейзажи заиграли новыми красками. Всё-таки правду говорят: дело не в месте, а в состоянии души.

Цинь Юэцзин обожал эти вылазки. Деревенский парень, никогда не видевший ничего, кроме своего уезда, на прогулках превращался в сорвавшегося с цепи жеребца — не удержишь. Однажды он даже заикнулся о том, чтобы переночевать в палатке, но Чэньян вовремя пресек эту затею. Наставнику восемьдесят четыре! Какая палатка? Ученики должны беречь своего учителя, а не испытывать его на прочность.

Машина петляла по столичным улочкам и наконец вырулила к самому модному месту Имперской столицы — культурно-креативному парку «1900».

Раньше здесь была промзона, старые кирпичные цеха. В годы реконструкции заводы вывели за черту города, а опустевшие здания превратили в арт-пространство. Фотостудия, в которую они

направлялись, располагалась в одном из таких корпусов.

Красные кирпичные стены, странные декорации из ржавых шестеренок и механизмов — стильно, авангардно. У входа цвели мелкие хризантемы, трепеща на ветру яркими искрами.

Троицу встретил персонал и проводил в павильон. Юэцзин и Чэньян могли бы нанять выездную команду и устроить съемку в каком-нибудь чайном домике или старинной беседке, но, поразмыслив, решили, что старику будет тяжело провести целый день на ногах. Студия — вариант надежный и комфортный.

Фотограф — стильный мужчина с ухоженной щетиной — вышел навстречу:

— Цзян Чэньян? Добро пожаловать. Располагайтесь, почувствуйте себя как дома.

Последовал макияж и переодевание. Когда двери гримерной распахнулись и герои вышли в свет софитов, все присутствующие — и фотограф, и ассистенты — невольно застыли.

Перед ними стоял старик с безупречной осанкой, в строгом черном халате с неброским старинным узором. Его взгляд лучился мудростью и жизненной силой. С двух сторон его сопровождали двое красавцев в темно-синих одеждах: один — воплощение дерзкой юности, другой — олицетворение спокойного благородства. Казалось, само время сделало остановку, и из глубины веков в современную студию шагнули те, кто знает тайны истории.

— Можем начинать? — с улыбкой спросил Чэньян, выводя персонал из оцепенения.

— Да-да, конечно! Проходите к фону, — засуетился фотограф.

Щелкал затвор, вспышки озаряли павильон. Сначала одиночные портреты, потом парные снимки Юэцзина и Чэньяна, и, наконец, общие.

Финальный кадр: Чжан Лицзи сидит в старинном кресле, в руках — раскрытый белый веер. Ученики замерли по бокам, слегка склонившись к наставнику. В их улыбках — искренняя любовь, в позах — достоинство истинных мастеров. Очередная вспышка навсегда зафиксировала эту идиллию.

Съемка закончилась быстро — ученики берегли силы учителя. Пока переодевались, Юэцзин успел сделать несколько селфи и тут же выложил их в совместный с братом аккаунт в Weibo.

Их страница «Жизнь в жанре сяньшэн: Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян» за пару лет набрала сотни тысяч подписчиков. Чэньян специально сделал общий профиль, и Юэцзину это нравилось. Он знал, что брат подсознательно подыгрывает фанатам, создавая образ неразлучной парочки, и ничуть не возражал. Растущая популярность только грела душу.

«Сегодня устроили фотосессию с Учителем и Братом! Наш семейный портрет (фото)»

Пост разлетелся мгновенно: пять тысяч репостов за считанные минуты, комментарии посыпались градом. Тема быстро вырвалась в топ горячих запросов.

Особый ажиотаж вызвало селфи, где Юэцзин по-свойски обнимает Чэньяна за плечи. Фанатки буквально захлебывались от восторга:

— Боже, как они гармонично смотрятся! Обожаю Тетушку и Дядюшку!

— Тетушка Юэцзин, Дядюшка Чэньян, я ваша племянница! Взгляните на меня хоть разок!

— Впервые вижу их учителя. Старейшина выглядит просто потрясающе!

Пока поклонники планировали массовые рейды в ночной клуб, чтобы вживую полюбоваться на кумиров, троица уже покинула студию.

— Хочу взглянуть на Запретный город, — вдруг негромко произнес Чжан Лицзи, когда они сели в машину.

Просьбу исполнили незамедлительно. Несмотря на будний день, в Гугуне было не протолкнуться, но старика это не смутило.

Пройдя совсем немного, Юэцзин и Чэньян заметили, что наставник начал уставать. Они тут же предложили понести его на спине. Чжан Лицзи не стал спорить и с тихим смешком согласился.

Так они и гуляли, сменяя друг друга. Прохожие с любопытством оборачивались на молодых людей, бережно несущих старика. А Чжан Лицзи, щурясь на солнце, думал о том, что этот день он не забудет никогда.

После Запретного города были Летний дворец и Храм Неба. Пообедав в уютном ресторанчике, а вечером заглянув на праздничный ужин, они отправились домой. Цзян Чэньян вел машину неспешно, давая наставнику возможность в последний раз полюбоваться огнями ночной Имперской столицы.

Восемьдесят четвертый день рождения Хромого Чжана подошел к концу.

Дома ученики помогли учителю устроиться в постели и, убедившись, что тот уснул, поспешили в клуб. Работа не ждала. Пусть Ху Чжунфа и дал им выходной, они не хотели подводить зрителей — многие приходили в «Остров Золота» именно ради их дуэта.

И вскоре под свист и восторженные крики толпы двое в традиционных халатах привычно шагнули на сцену.

<http://bllate.org/book/17504/1659260>